

Начало нового семестра выдалось на удивление лёгким.

Каждый вечер, вернувшись домой, Чэнь Нянь садился за эскизы и одновременно созванивался с Шафулаем, чтобы попрактиковать русский. Его картина маслом заслужила щедрые похвалы учителя — ананас получился настолько живым, что хотелось протянуть руку и вытащить его прямо с холста.

Остальные ученики художественного класса тоже на собственном опыте убедились, насколько гуашь уступает маслу: она слишком легко трескалась, со временем краски тускнели, да и той тонкости, что достижима маслом, добиться попросту не удавалось.

«Вот, значит, в чём разница между экзаменационным рисованием и настоящим искусством?»

Многие загорелись желанием тоже попробовать масло, и Чэнь Нянь охотно делился опытом — вскоре он сдружился чуть ли не со всем художественным классом.

Занятия русским тоже вошли в колею. Для Шафулая разговоры с Чэнь Нянем были всё равно что беседа с первоклассником — он мог болтать с ним между делом, решая задачи, почти не отвлекаясь.

К тому же это была редкая возможность пообщаться со второй личностью Чэнь Цы.

Всякий раз, созваниваясь с Шафулаем, Чэнь Нянь уходил в кабинет: во-первых, чтобы не мешать брату заниматься, во-вторых, боялся, что Шафулай услышит голос Чэнь Цы, — а если тайна раскроется, дело обернётся скверно.

Благодаря носителю языка русский Чэнь Няня рос прямо-таки ракетой. Каждый вечер, умываясь перед сном, он пытался перед зеркалом рычать раскатистое «р», но добивался лишь того, что забрызгивал слюной всё зеркало.

Чэнь Цы по-прежнему уделял основное время учёбе, а в свободные часы упражнялся то на фортепиано, то на скрипке.

Изначально Чэнь Вэй хотел, чтобы один из братьев учился фортепиано, а другой скрипке, — тогда, освоив инструменты, они могли бы играть дуэтом. Но скрипка в руках Чэнь Няня превращалась в банальную пилу, а за фортепиано он и вовсе усидеть не мог, будто ему в стул кнопки подложили.

Деньги, впрочем, были уже уплачены, и хорошо, что Чэнь Цы сам вызвался освоить оба инструмента, — иначе плата за обучение пропала бы впустую.

В первые выходные после начала учёбы Чэнь Нянь проснулся под красивую мелодию — а, Моцарт.

Солнце светило вовсю, и даже плотные шторы не могли сдержать яркий утренний свет.

Зевнув, он вытащил из-под подушки планшет, включил его и зашёл в приложение для заказов — там его ждал ответ заказчика.

[Как же красиво, как красиво! Госпожа — просто богиня! Заказ принят, сердечко.jpg]

На счёт упали две тысячи юаней гонорара, а в разделе приглашений накопилось ещё с десятков новых сообщений. Чэнь Нянь просмотрел их одно за другим и выбрал заказ, который хотелось рисовать больше всего и с самым щедрым бюджетом, — после чего связался с заказчиком.

Он потянулся, встал и спустился по деревянным ступенькам с кровати.

В гостиной Чэнь Цы упражнялся на фортепиано. После перехода в старшую школу времени стало в обрез, и на уроки он больше не ходил — обычно просто повторял уже разученные пьесы, чтобы не терять форму, или сам разбирал новые по нотам.

Чэнь Нянь присел рядом и залюбовался тем, как тонкие длинные пальцы брата порхают по чёрно-белым клавишам. Всё-таки не зря его называют всезнающим и всемогущим они-тяном.

Заказчик быстро ответил, прислав более подробное техзадание. Персонажи заказчика — пара девочек-близнецов в лёгком киберпанковском стиле; требовалась приватная иллюстрация в полный рост с обеими сразу.

Когда пьеса закончилась, Чэнь Нянь подал голос:

— Братик, попозже побудешь моей моделью?

Чэнь Цы взглянул на него и кивнул:

— Хорошо.

Для Чэнь Цы позировать брату было не в новинку. Большинству художников при работе требуются референсы — источник вдохновения или подсказка по деталям строения тела.

Чэнь Нянь не был исключением.

Ещё с ранних лет Чэнь Цы позировал ему для набросков, а когда Чэнь Нянь начал брать заказы

на поясные и в полный рост иллюстрации, то, если требовался референс позы, неизменно звал брата и фотографировал его в нужных ракурсах.

— Что рисуем на этот раз? — спросил Чэнь Цы.

— Парочку красоток-близняшек, — хихикнул Чэнь Нянь. — Мы вдвоём как раз кстати подойдём для позы.

Чэнь Цы поднялся из-за фортепиано и вместе с братом отправился в спальню родителей. Дверцы шкафа-купе, если раскрыть их, складывались в одно большое зеркало — смотреться в него было очень удобно.

Чэнь Цы стянул просторную пижамную рубашку — раз уж дело было в референсе позы, требовалось видеть, как расположены и под каким углом находятся грудная клетка, руки, бёдра, а под одеждой это не разглядишь как следует. Чэнь Нянь тоже скинул рубашку, и братья, оба с голым торсом, встали перед большим зеркалом.

Чэнь Нянь установил штатив, закрепил на нём телефон и взял в руку пульт — оставалось лишь принять нужную позу и нажать на кнопку.

— Хм... заказчик хочет что-то в меру невинное, но с нотками соблазна, — Чэнь Нянь задумчиво почесал подбородок.

Как опытный исполнитель, он повидал самые разные требования, и самым важным всегда оставалось одно — уловить, чего именно хочет заказчик. Вот и сейчас: невинность и соблазн — два прямо противоположных по смыслу слова — нужно было одновременно выразить в позе.

— Братик, давай попробуем сцепить руки.

Чэнь Нянь сел на кровать и похлопал рядом с собой.

Чэнь Цы устроился справа. Братья подняли руки, соединили ладони и сплели пальцы.

Чэнь Нянь скосил взгляд на зеркало: два почти неотличимых друг от друга подростка сидели вплотную на краю кровати, сплетённые руки застыли на уровне груди. Подавшись вперёд, он прижался щекой к щеке брата.

Тыльные стороны их ладоней почти касались груди друг друга — будь на их месте две девушки, непременно вышел бы эффект сдавленной груди.

«Не пойдёт. Одна только невинность, никакого соблазна».

— Братик, смени позу, слишком скованно получается. Может, поднимешь одну ногу?

Чэнь Цы поднял левую ногу, поставил её на стоявший рядом табурет и с привычной лёгкостью развернул колено внутрь. Он столько раз позировал, что успел изучить особенности осанки самых разных возрастов и полов, а поскольку Чэнь Нянь часто рисовал девочек и лолиток, Чэнь Цы прекрасно знал, как принять милую, по-девчачьи трогательную позу.

Чэнь Нянь сменил сидячее положение на коленопреклонённое, полностью развернулся к брату, прогнул поясницу и постарался изобразить как можно более невинную кокетливость.

«Эм... кажется, перебор».

Чэнь Нянь снова выпрямился, нахмурившись, уставился в зеркало.

— А если попробовать что-нибудь съесть? — предложил Чэнь Цы. — Я вчера читал книгу под названием «Создание питомцев». Там высказана мысль: еда — это выражение любви, а любовь — это поглощение. В процессе еды человек ощущает власть и обладание, поэтому многие, признаваясь в чувствах, говорят «так и съел бы тебя», а родители целуют младенцам ручки и ножки — тоже своего рода выражение любви.

— А? — вырвалось у Чэнь Няня.

В голове у него мгновенно всплыло лицо Ганнибала Лектера, и он невольно поёжился.

Хоть теория брата и звучала жутковато, идею стоило обдумать: в процессе еды больше внимания достаётся губам и рту, а это добавляет зрителю томления — недаром через еду так часто передают эротический подтекст.

Чэнь Нянь метнулся на кухню. Чэнь Вэй с утра, перед работой, успел заглянуть на рынок и купил свежих персиков — крупных, сладких, нежно-розовых, таких сочных, что стоило чуть надавить — и брызгал сок.

Чэнь Нянь взял два персика, один протянул брату, и оба, держа фрукты в руках, снова заняли позы.

«Как бы это сказать...»

— Всё равно чего-то не хватает, — вынес вердикт Чэнь Нянь.

Проблема, как он чувствовал, крылась в брате: тот выполнял всё нужное, но держался слишком скованно. Главное различие между изображением женских и мужских персонажей в том, что для женщин нужно больше линий-изгибов, передающих природную мягкость, а

амплитуду движений можно смело увеличивать.

— Смотри, братик, вот так.

Чэнь Нянь кончиками пальцев левой руки слегка приподнял подбородок брата, а правой поднёс к своим губам персик и легонько прикусил кожицу — сладкий сок просочился в чуть приоткрытый рот. Одно плечо он приподнял, другое опустил, задав линии плеч наклонную динамику; одну ногу подогнул на манер «утиной посадки», открывая лодыжку и подошву, а другую поставил на кровать между ног брата, так что тела переплелись в живом взаимодействии.

Он опустил ресницы, будто разглядывая персик в руке, а на самом деле смотрел на губы брата.

Поза была не из простых, но Чэнь Нянь безупречно удерживал равновесие, а многолетний опыт набросков делал его движения слаженными и естественными — эффект вышел превосходный.

— Ну как, братик? — спросил Чэнь Нянь, не меняя позы. — Уловил?

Чэнь Цы молча смотрел в зеркало, а потом выдал:

— Ну ты и распутник.

— Спасибо за комплимент, — Чэнь Нянь щёлкнул пультом, и телефон на штативе с щелчком запечатлел кадр. — Давай, братик, теперь твоя очередь.

Чэнь Цы попытался повторить его соблазнительную позу. Но раскрепоститься так, как брат, у него не получалось — движения по-прежнему выдавали скованность.

Настал черёд Чэнь Няня выполнить свою часть. Он снова прогнул поясницу, упёрся руками в кровать, а подбородок, придержанный пальцами Чэнь Цы, слегка запрокинул назад, потянувшись укусить персик в руке брата.

Близнецы ели один персик с двух сторон — да, неплохо, и невинно, и с изюминкой.

Чэнь Нянь скользнул взглядом по зеркалу и довольно нажал на кнопку съёмки.

После этого он заставил брата перепробовать ещё несколько поз, из которых выбрал три подходящих для референса — набросав эскизы, он собирался предложить заказчику выбрать наиболее понравившийся.

— Как закончишь, не забудь удалить фотографии, — напомнил Чэнь Цы, надевая пижаму.

— Угу-угу, не переживай.

После полудня Чэнь Нянь вместе с Гуй Чжици отправился в её художественную студию — впечатление осталось неплохое, вот только большинство тамошних студий готовили в первую очередь к экзаменам, а таких, как он, кто целенаправленно собирал портфолио маслом, было немного.

— Может, будем приходить сюда по воскресеньям? — предложил Чэнь Нянь. — А субботы я хочу оставить дома, для эскизов.

— Я тоже так думаю, — улыбнулась Гуй Чжици. — Сейчас, только начало семестра, не особо загружена, вот и набрала кучу заказов.

Решив нагнать работу за выходные, Чэнь Нянь в воскресенье просидел за рисунком до глубокой ночи. Неудивительно, что в понедельник он благополучно проспал.

— А-а-а-а! — с воплем Чэнь Нянь вылетел из спальни.

Чэнь Вэй уходил на работу только в восемь, а вставал обычно в семь; в школу Чэнь Цы и Чэнь Нянь добирались сами.

Истошный крик младшего сына разбудил Чэнь Вэя. Сонно шурясь, он проводил взглядом мечущегося в панике Чэнь Няня, влетевшего в ванную, и спросил:

— Во сколько лёг вчера?

— Не помню, всё время рисовал! — донеслось из ванной сквозь шум открытого крана: Чэнь Нянь уже чистил зубы.

Сунув щётку в рот, он поднял глаза и увидел на зеркале жёлтый стикер. Почерк был братским.

[Я ушёл в спецкласс. Побудь пока за меня, после утренней самоподготовки поменяемся обратно.]

Рука со щёткой замерла в воздухе — по груди разлилось тепло.

«Братик, наверное, боялся, что он опоздает и его выставят стоять за дверью».

По правде говоря, дисциплина в Первой школе не была уж такой строгой — далеко до того,

чтобы держать учеников в страхе, к тому же там придерживались подхода «обучение по способностям», а проще говоря — разного отношения к разным ученикам. На хорошистов завуч частенько смотрел сквозь пальцы, а тем, кто не успевал, доставалось по полной — в надежде, что под давлением они всё-таки подтянутся.

Чэнь Цы учился в элитном классе, и даже случись ему изредка опоздать, классный руководитель не стал бы его наказывать.

Чэнь Нянь с облегчением выдохнул. Он оторвал стикер и, больше не суетясь, после чистки зубов даже успел выпить воды перед выходом.

<http://bllate.org/book/20665/2112552>